

анархизм Г. Чулкова — Вяч. Иванова называл «профанацией у них же („весовцев“.— А. Б.) экспроприированного материала» [15, с. 194] и позднее истолковывал как «кражу интимных лозунгов» [27, л. 24].

В 1907 г. Бердяев, однако, уже сочтет крайне наивной мысль, свойственную «некоторым эклектикам нашего времени», «что анархизм есть только дальнейшая ступень социализма» [38, с. 30], и подвергнет критике читавшийся Белым в марте в Московском религиозно-философском обществе доклад «Социал-демократия и религия» (см. [32, с. 180]), вобравший в себя воззрения писателя на будущее социальное устройство. В свою очередь для Белого, подчеркнуто нападавшего тогда на «серединную теплоту» «мирнообновленческого» либерализма (см., например, [39]), относительная солидарность Бердяева с кадетской программой общественных реформ была признаком неприемлемого консерватизма. В статье «Люди с „левым устремлением“» он сделает своей мишенью бердяевскую концепцию «истинного радикализма» — отвращающей от политических интересов устремленности к «царству не от мира сего» («...в тысячу раз радикальнее те, которые углубляются до самых корней бытия, ищут трансцендентных основ всех феноменальностей, чем те, кто принимает феноменальности за сущность...» [28, с. 37]). Возникающие у Белого «инфракрасные общественники» — радикалы — мнят, что занимаются «постройкой новых небес, планет, тел и душ». «Но беда в том, что судьба их исчезать за горизонтом — только средство, чтобы появиться справа» [24, с. 341]. Похожий иронический выпад в адрес Бердяева Белый включил и в завершенную в 1907 г. четвертую «симфонию» «Кубок метелей», где вывел философа в образе «большого, черного теократа» [40, с. 267].

Общение Бердяева зимой 1907—1908 гг. в Париже с Мережковскими ознаменует решительный кризис его содружества с ними. «Все почти время мы очень жестоко полемизировали друг с другом, спорили и даже ссорились... Обзывали они меня и православным, и консерватором, и спиритуалистом, и индивидуалистом, а я ругал их за ложное отношение к революции, за разрыв с религиозным прошлым, за склонность к сектантскому самоутверждению, — объяснял Бердяев причины своего оттапливания от религиозно-общественных концепций Мережковских в письмах Вяч. Иванову от 22 июня 1908 г.—<...> Были минуты, когда я думал, что мы окончательно и бесповоротно расходимся... <...> О последней книжке Мережковского я написал статью, в которой подвергаю решительной критике его новейшие взгляды» [41, л. 20]. В этой статье, появившейся в «Московском еженедельнике», Бердяев оспаривал тезис Мережковского о тождестве религиозных и революционных целей и укорял его — «художника-романтика», мыслящего лишь большими анти-тезами, — в игнорировании действительного смысла революционных эксцессов в угоду апокалиптическим чаяниям: «...представляется страшным заблуждением это ожидание религиозного максимализма, напряженной религиозной активности от усиления внешнего трагизма жизни, внешних ужасов... В кровавом бреду и хаосе не может родиться новое религиозное действие» [42, с. 15].

К ответным выступлениям Д. С. Мережковского и Д. В. Filosofova присоединил свой голос и Белый. В статье «Каменная исповедь» (по-видимому, фактически инспирированной Мережковскими и вышедшей в журнале «Образование», к редактированию которого они в тот момент приступали⁷), формально отзываясь на опубликованную незадолго до

⁷ Об обстоятельствах появления этой статьи, позже названной им «посредственной» [18, с. 213], написанной в августе 1908 г. на даче Мережковских под Петербургом, Белый вспоминал: «...под их влиянием я пишу здесь статью „Каменная исповедь“... статья нравится очень Д(митрию) С(ергеевичу) Мережковскому; он берет ее для журнала» [43, с. 132].